

²⁷ Ср. с записью в Дневнике Толстого от 30 августа 1910 г., сделанной в Кочетах после отъезда Софьи Андреевны в Ясную Поляну: «(...) Грустно без нее. Страшно за нее. Нет успокоения. (...)» — ПСС. Т. 58. С. 97.

²⁸ Толстой не скрывал волнения от тех сведений, которые приходили из Ясной Поляны. Так, утром 16 сентября 1910 г. он спросил Маковицкого: «Вы читали письмо Варвары Михайловны? Вчера получила его Александра Львовна — о том, как приехала Софья Андреевна домой из Кочетов, что говорила... Мне оно было интересно, я Варваре Михайловне благодарен. Как меня хочет [Софья Андреевна] выставить сумасшедшим. (...)» — См.: *Маковицкий Д. П.* У Толстого... Т. 90. Кн. 4. С. 351.

²⁹ Точку зрения Сухотина разделяла и Татьяна Львовна. Маковицкий записал ее слова 21 сентября 1910 г.: «Надо крест свой нести. Чертков сказал: „Христос умер на кресте, а Лев Николаевич может умереть от Софьи Андреевны“. Мама́ надо сочувствовать, она истеричка». — Там же. С. 355.

³⁰ С. А. Толстая узнала о Завещании из похищенного ею тайного Дневника Толстого и 12 октября 1910 г. говорила об этом вслух. — Там же. С. 379.

³¹ Татьяна Львовна приезжала в Ясную Поляну 3—7 октября 1910 г. — См.: *Толстая С. А.* Дневники... Т. 2. С. 206—209.

Из переписки Т. Л. Сухотиной-Толстой с С. Л. Толстым 1930-х годов

Т. Л. Сухотина-Толстая — С. Л. Толстому

[20 октября 1932 г., Рим]

Милый Сережа,

Приехавши домой в Рим, нашла третий том дневника мамá¹. Прочла его залпом — и почувствовала тоску от этого чтения.

Страдала она несомненно. Но что нужно было ей, чтобы *не* страдать, невозможно придумать. При всяких условиях, во всякой обстановке она нашла бы причины для страданий и выставления себя мученицей.

Если читать этот дневник между строк, то чувствуется, какая иногда понималась в ней ненависть к папá и как иногда она думала о его смерти как об освобождении. Как только наступала опасность — так она пугалась.

А он ее нежно и глубоко любил. И только потому он раньше не ушел. Раздражала она его неистово. И не мудрено. Надо было иметь огромный запас терпения, чтобы выносить ее приставания, ее желание выставить себя, с одной стороны, несчастной жертвой, отдающей всю жизнь злему, противному мужу, и с другой — молодежавой, с высокими стремлениями, милашкой. Но отец видел ее положительные стороны, которые были ему трогательны: ее усилия превозмочь свои дурные стороны, ее старания быть лучше. И она была ему бесконечно жалка. Не люби он ее — он давно бы ушел из дома.

Есть неточности и, главное, фальшивое освещение многих фактов в ее дневнике.

Между прочим, по ее крымскому дневнику выходит, что она почти исключительно одна ходила за отцом, тогда как у нас всех было впечатление, что она меньше нас всех дежурила у него и ходила за ним.

Я как будто ее осуждаю. Нет. Как при ее жизни, так и теперь, я ее любила и люблю, и глубоко жалела и жалею ее. И, главное, не могу ее считать ответственной, поэтому мне легко ее не осуждать. (...)

Датируется условно по почтовому штемпелю отправителя на конверте.

¹ Т. Л. Сухотина-Толстая имеет в виду издание, подготовленное к печати С. Л. Толстым. См.: Дневники Софьи Андреевны Толстой... Ч. III. См. выше примеч. 3 к вступительной статье.